

Я считаю, что, только читая статьи и отзывы известных российских критиков, таких как Леонид Ханбеков, Валентин Курбатов, можно написать что-то стоящее. Иначе ты просто «сам с усам», никогда ничему не научишься. Да, есть у нас самородки, но их нужно направлять в нужное русло, как это делает редакция красноярского альманаха прозы, поэзии, публицистики «Новый Енисейский литератор». Только читая классиков и критиков, можно научиться литературному мастерству. Драгоценные книжки не валяются на дороге под ногами. Но если не издатели журналов и книг будут изыскивать талантливых людей, то кто же?

Когда писатели пишут «в стол» и говорят: «Это я писал для себя», — они лукавят. Каждый пишущий человек желает, чтобы кто-то оценил его творчество.

В детстве я стала записывать свои стихотворения, не придавая этому большого значения. Для меня это была игра. Рифмовала простые слова: «мама — рама», «речка — свечка», «роза — берёза».

Когда я стала распевать свои рифмованные строки, то мне подпевали наши девочки-детдомовцы. Никто не задумывался, откуда они взялись, пока воспитательница не вникла в суть текста:

Вот попала в детдом я артемовский,
Стали в поле меня погонять,
А я в поле работать непривычна,
Прихожу и ложусь на кровать.

Она спросила меня:

— А чьи это стихи?

Я сразу не смогла ответить...

Когда она нашла мою тетрадку, которая была сшита из отдельных листков в клеточку, она сама догадалась.

Перед майскими праздниками выпускали стенгазету «Воспитанник». Она попросила меня написать что-нибудь для газеты. Я выполнила её просьбу. Это было в пятом классе. Стихотворение «Первомай» попало в две стенгазеты — школьную и детдомовскую.

Так я прослыла поэтессой среди школьников. Когда я стала читать свои стихи со сцены, то мне приходилось их заучивать наизусть. Я уединялась в пионерской комнате и старалась читать их с выражением. Выходя на сцену, волновалась, а во дворе читала свободно.

Когда переезжала из одного детского дома в другой, то за мной, как шлейф, тянулась «обязаловка»: писать стихи и читать их со сцены. Когда я попала в город Евпаторию, там мне пришлось с нашей самодеятельностью выступать на Декаде литературы и искусства. Обо мне написали в газете «Ленинская искра». Напечатали мои стихотворения, и я получила свой первый гонорар.

— За незаурядный талант, — сказал мне редактор.

Слово «незаурядный» мне тогда показалось оскорбительным, так как не знала его значения.

Вернувшись в Сибирь, я отправила свои стихи в 1961 году в газету «Красноярский рабочий». Мне пришло подтверждение с этими же словами. Посоветовали после окончания десяти классов попробовать сдать экзамены в Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Но я тогда мечтала стать юристом.

Судьба распорядилась иначе. Учёбу я забросила из-за слепоты, а к стихам вернулась только через тридцать лет.